

Формирование долгосрочной исторической конъюнктуры современного глобального кризиса

Аннотация

Данная статья представляет собой опыт применения методологии исследования долгосрочной исторической конъюнктуры к анализу формирования условий и предпосылок периода современного глобального финансово-экономического кризиса. Показано, что долгосрочная историческая конъюнктура, породившая современный глобальный кризис, начала складываться на рубеже 1970-х годов. В этот момент происходит сдвиг в долгосрочной конъюнктуре, и послевоенный период восходящего развития капитализма сменяется нисходящим. Мировая капиталистическая система столкнулась со структурным кризисом послевоенной модели капиталистического развития. Под кризисом в данном случае понимается не обычная краткосрочная циклическая рецессия, а длительное устойчивое ухудшение условий капиталистического воспроизводства. Возникновение структурного кризиса объясняется действием открытого К.Марксом закона тенденции средней нормы прибыли к понижению. Структурный кризис открывает длительный период переустройства капиталистической системы, которое будет происходить в ходе столкновения различных социальных сил.

Ключевые слова: *глобальный кризис, капитализм, долгосрочная историческая конъюнктура, глобализация, неолиберализм, К.Маркс*

Послевоенная долгосрочная историческая конъюнктура капиталистического развития

В предыдущей статье [Малюк, 2012] рассматривались теоретико-методологические проблемы, возникающие при исследовании современного глобального кризиса. Было продемонстрировано, что анализ с точки зрения краткосрочной конъюнктуры недостаточен, поскольку обнаруживает причину кризиса в “неправильном” функционировании финансовой системы,

то есть не в том, в чем она в действительности заключается. Для того, чтобы обнаружить действительные истоки кризиса, необходимо проникнуть в “сокровенные недра капиталистического производства” (Маркс). Было также предложено решение указанных проблем в виде долгосрочного конъюнктурно-исторического подхода, корни которого можно обнаружить в идеях Ф.Броделя, И.Валлерстайна и многих марксистских исследователей политической экономии и международных отношений. В настоящей статье предложенный подход применяется для историко-социологического анализа периода зарождения и развертывания современного глобального кризиса.

Как уже отмечалось, формирование долгосрочной исторической конъюнктуры, приведшей к нынешнему обострению глобального кризиса, связано с очередным изгибом кривой капиталистического развития, выразившимся в возобновлении действия тенденции нормы прибыли к понижению на рубеже 1970-х годов.

На протяжении длительного времени после окончания Второй мировой войны капиталистическая система переживала период беспрецедентной экономической экспансии, наибольшей за все пятьсот лет существования мировой капиталистической системы (МКС). Эта экспансия вошла в историю как “золотой век 1945–1973 годов”, или “славное тридцатилетие”. Переход к данной, восходящей, стадии развития был результатом комбинации факторов, позволивших преодолеть кризисные тенденции, с проявлением которых капитализм столкнулся в ходе Великой депрессии. Великая депрессия 1930-х представляла собой финальную фазу структурного кризиса капитализма, показателем которого было существенное снижение нормы прибыли. По некоторым данным мировая норма прибыли снизилась с 18,5% в 1917-м до 13,4% в 1939 году. Что касается эпицентра Великой депрессии — экономики Соединенных Штатов — то здесь норма прибыли снизилась с 16% в 1926-м до 11% в 1939, а в 1929–1933 падение было еще большим [Minqi Li, 2007: p. 40, 42]. Для преодоления кризиса следовало предпринять масштабные социальные, политические, технологические и институциональные изменения, которые позволили бы создать условия для возобновления нормального функционирования капитализма.

Комбинация факторов, сформировавшая долгосрочную историческую конъюнктуру, которая определила характер новой стадии капитализма и связанный с ней послевоенный режим накопления капитала, приостановивший действие кризисных тенденций, сложилась в МКС после окончания Второй мировой войны. Важнейшим фактором, повлиявшим на характер новой исторической конъюнктуры, стали итоги войны, в которых реализовывались общественные цели победивших сторон. Реализация этих политико-экономических целей позволяла воздействовать на исторические условия и направление общественного развития в желательном для победителя духе. Для правящих классов США и связанных с ними групп мировой буржуазии это означало завершение периода борьбы за главенство в МКС и реализацию их мировой политико-экономической программы. В этот период произошла консолидация гегемонии США в капиталистическом мире, и под их руководством МКС претерпела структурную перестройку, в результате которой возникла новая историческая структура капитализма. Другими важными и тяжелыми последствиями войны были огромные разрушения производительных сил и человеческие жертвы. Иррациональное с точки зрения развития общества в целом и вместе с тем с точки зрения развития

капитализма означало гигантское разрушение капитала, расчищавшее поле для новой капиталистической экспансии, внедрения и распространения новых технологий и других инноваций и возможностей новых масштабных капиталовложений. Этот деструктивный аспект развития капитализма был выражен Й.Шумпетером в формуле “созидательное разрушение”. Наконец, еще одним, нежелательным с точки зрения развития МКС, результатом стало геополитическое усиление СССР и возникновение мировой системы реального социализма, что существенно ограничивало реализацию программы послевоенного мирового устройства атлантических элит, а также кризис колониализма на периферии МКС и подъем национально-освободительных движений. С целью нейтрализации этих негативных для капитализма последствий атлантическими элитами была инициирована холодная война.

Были и другие факторы, способствовавшие вхождению МКС в фазу экономического подъема.

Во-первых, возникновение кластеров технологических инноваций, порожденных потребностями ведения войны, заложило основы создания новых ведущих, относительно монополизированных отраслей, являвшихся источником роста прибыли в индустриально развитых государствах центра МКС (создание реактивной авиации, усовершенствование средств массовой коммуникации, атомная энергетика, электронно-вычислительная техника и т.д.).

Во-вторых, завершение перестройки производственного аппарата ряда отраслей промышленности США по фордистскому типу в сочетании с кейнсианской экономической политикой перераспределения вызвало потребительский бум. В США выражением этого стали послевоенная волна автомобилизации, строительство дорог и разрастание пригородов. Все это, в свою очередь, способствовало развитию смежных отраслей — металлургической, нефтехимической, строительной, электротехнической и т.д.

В-третьих, новым источником экономического роста стало также восстановление разрушенных войной Европы и Азии. План Маршалла и соответствующие американско-японские соглашения положили начало процессу восстановления и перестройки производственных систем Западной Европы и Японии по американской фордистской модели.

В-четвертых, произошло воссоздание относительно стабильной мировой валютной системы, получившей название Бреттон-Вудской (по названию городка в США, где в 1944 году проводилась международная конференция, посвященная проблемам послевоенного международного экономического порядка), которая заложила основу послевоенного мирового экономического и финансового устройства. Бреттон-Вудское соглашение закрепило за США и за их национальной валютой центральное положение в мировых финансах. Согласно Соглашению, сохранявший связь с золотом доллар США заменил в международных расчетах и торговле золотой металл, а валюты других стран-участниц соглашения зафиксировали свои паритеты по отношению к доллару. Иначе говоря, они были привязаны к доллару по жестко фиксированным курсам. В свою очередь, доллар был привязан к цене золота (35 долларов за 1 тройскую унцию). Для обеспечения валютной стабильности и решения проблем с платежным балансом был создан Международный валютный фонд (МВФ). Система фиксированных паритетов создавала стабильность и определенность в платежных отношениях и послужила росту мировой торговли и инвестиций.

Наконец, экономический рост стимулировался военными расходами, так называемым военным кейнсианством, оправданием которых служила инициированная США холодная война с СССР и, в частности, две крупные региональные войны в Азии (война в Корее 1950–1953 годов и война во Вьетнаме 1964–1973 годов).

Таким образом, огромные разрушения капитала в результате Второй мировой войны, открывшие сферы прибыльного применения нового капитала, в сочетании с возникновением новых методов производства (фордизм) и способов их регулирования (кейнсианская макроэкономическая политика), оформлением геополитических рамок послевоенной стадии развития капитализма — расколом мира на две геосоциальные системы и развязыванием холодной войны, изменением форм и способов взаимоотношений между ядром и периферией МКС — осуществлением формальной деколонизации периферии и переходом к неокOLONИЛЬНЫМ формам взаимоотношений и стратегией встраивания освободившихся стран в МКС на основе политики национального развития и догоняющей модернизации, — все это и сложилось в историческую конъюнктуру, породившую новый исторический режим накопления капитала (РНК).

Этот РНК характеризовался экспансией фордистских методов производства в сочетании с изменением роли государственного регулирования экономики. В странах как центра, так и периферии произошло значительное расширение социальных и экономических функций государственного аппарата и создание значительного государственного сектора экономики. В государствах ядра МКС активно использовалась кейнсианская макроэкономическая политика стимулирования экономического роста и высокого уровня занятости. В значительной степени это стало результатом изменения социально-классовой стратегии господства буржуазии, выразившегося в возникновении в государствах ядра исторического социально-классового компромисса, иногда называемого кейнсианским компромиссом [Dumenil, 2002, 2005] по имени выдающегося британского экономиста Джона Мейнарда Кейнса. В результате в ядре МКС возникла новая форма государства — государство всеобщего благосостояния. Как институциональная основа кейнсианского компромисса государство всеобщего благосостояния признало свою ответственность за поддержание благосостояния граждан. Это означало предоставление гарантий пожизненного дохода, включавшего заработную плату, пособия, пенсию, а также обеспечение воспроизводства рабочей силы, что предполагало доступную медицинскую помощь, образование и государственное жилье, гарантии повышения уровня жизни в соответствии с экономическим ростом. Это позволило кооптировать рабочий класс государств ядра в новый гегемонистский блок и расширить социальные основания гегемонии правящих классов [Arrighi, Silver, 1999: p. 151–152; Minqi Li, 2010: p. 292; The Age of Transition, 1996: p. 148–177]. Однако снижение уровня классовых конфликтов в центрах МКС сопровождалось исключением большей части населения мира из пользования подобными социальными правами и благами.

Существенным признаком послевоенного РНК стала экспансия монополистического транснационального капитала, прежде всего американского, в форме транснациональных корпораций, ставшей основной формой экономического освоения центрами периферии МКС в условиях ее формальной деколонизации и реализации государствами периферии стратегии

“национального развития” [Валлерстайн, 2001: с. 155–165]. Реализация данной стратегии повлекла за собой усиление процессов индустриализации, пролетаризации и урбанизации периферийных зон МКС.

Важным с точки зрения консолидации нового РНК было то, что под эгидой гегемонии США в МКС произошло снижение межимпериалистического соперничества, усиление кооперации правящих классов центров МКС и кооптация вестернизированных элит незападного мира в новый гегемонистский блок.

Наконец, установление геополитического режима холодной войны обусловило способ взаимоотношений с геосоциальной системой, воплощавшей противоположный социальный идеал, и одновременно — способ консолидации капиталистического мира под руководством правящих классов США.

Все это вместе взятое сформировало новый исторический РНК, который можно обозначить как кейнсианский государственно-монополистический режим накопления, в рамках которого капиталистическая экономика смогла обеспечить капиталу сферы прибыльного приложения, повысить норму прибыли и преодолеть тенденцию к стагнации. Результатом стал “золотой век” капитализма.

Сдвиг в конъюнктуре: изменение тенденций развития капитализма и вступление МКС в фазу структурного кризиса на рубеже 1970-х

Действие факторов, противостоящих тенденции к перенакоплению, перепроизводству и стагнации, ослабло к началу 1970-х годов. К этому времени в эволюции капиталистической экономики наступил момент, когда избыточный капитал, порожденный огромной и растущей производительностью системы, перестал находить возможности дальнейших прибыльных капиталовложений.

Причины заключались в том, что вследствие быстрого промышленного роста в индустриально развитых странах и восстановления разрушенных войной Западной Европы и Азии происходили быстрое накопление капитала и быстрый рост органического строения капитала. При этом предложение продукции фордистского производства росло опережающими темпами по сравнению со спросом, несмотря на то, что фордистская система в принципе старалась увязывать рост производительности с ростом потребления и зарплаты. Вместе с ростом указанных диспропорций исчерпывался потенциал прибыльности от увеличения производственных мощностей. Кроме того, вследствие диффузии технологий, разрушения ведущих монополий и роста конкуренции стало ослабевать стимулирующее воздействие крупных послевоенных технологических инноваций. Что касается военного кейнсианства, то огромные программы перевооружения также не могли поглотить избыточный капитал и таким образом стимулировать экономический рост, поскольку отрасль достигла степени насыщения производственными мощностями и не требовала крупных капиталовложений в новые предприятия и оборудование. Все это привело к замедлению темпов экономического роста. В этих условиях возникла острая необходимость в новых сферах прибыльного приложения капитала, которых в тот момент не было. В результате МКС столкнулось с серьезным кризисом перенакопления, приведшим к падению нормы прибыли, снижению загрузки производственных мощностей,

что оказывало депрессивное воздействие на прибыль, а следовательно, на уровень инвестиций и вновь на прибыль.

Таким образом, конечной причиной кризиса выступила, как об этом и говорил Маркс, тенденция к понижению средней нормы прибыли вследствие роста органического строения капитала. Эмпирические данные подтверждают наличие в послевоенной капиталистической экономике обеих устойчивых тенденций. Хотя динамика нормы прибыли в указанный период была подвержена краткосрочным и среднесрочным колебаниям, являющимся следствием действия соответствующих конъюнктурных причин, в ней можно выделить устойчивый нисходящий тренд, длящийся приблизительно с конца 1940-х до настоящего времени. На основе изучения экономического развития США некоторые исследователи выделяют несколько фаз динамики прибыли в послевоенный период [Roberts, 2011 a, b, c, d; Mohun, 2010]. В 1946–1965 годах прибыль росла или оставалась на высоком уровне, в 1965–1982, наоборот, произошло значительное падение прибыльности. В 1982–1997 годах происходит некоторое повышение прибыльности, после чего с 1997-го она вновь снижается. При этом наряду с циклическими колебаниями наблюдается долгосрочный тренд снижения прибыльности, выражающийся в том, что каждое последующее падение прибыльности в течение 1946–2011 годов оказывается глубже, а восстановление — меньше предыдущего. То есть в последние пятьдесят лет норма прибыли, несмотря на ее частичное восстановление после каждого спада, не могла достичь уровня середины 1960-х годов. Само по себе проявление тренда посредством циклических средне- и краткосрочных колебаний является нормальным способом функционирования капиталистической системы. В то же время некоторые экономисты полагают, что весь послевоенный период характеризуется постепенным понижением нормы прибыли, и в нем сложно выделить периоды ее восстановления. Такие различия являются в значительной степени результатом использования различных методологий измерения нормы прибыли по Марксу и ведущихся вокруг этого дискуссий, о чем несколько слов будет сказано ниже. Однако, как отмечает американский экономист А.Шейх, критикуя “неосмитовскую” концепцию нормы прибыли известного историка и социолога Р.Бреннера о снижении цен вследствие чрезмерной конкуренции как причине падения прибылей, эмпирические данные “убедительно показывают, что длительное падение прибыльности является имманентной чертой послевоенного накопления во всех трех ведущих капиталистических странах [имеются в виду США, ФРГ и Япония. — А.М.] и что значительная часть падения вызвана растущей удельной капиталоемкостью производственных мощностей”, то есть ростом органического строения капитала [Shaikh, 1999: p. 115–116; Shaikh, 2011]. Средняя норма прибыли, достигнув, по данным американского экономиста Ф.Моусли и итальянского экономиста Г.Карчеди, в конце 1940-х пика в 22%, затем неуклонно снижалась. К середине 1970-х она снизилась до 12%, то есть почти на 50% [Mosley 1998, 1999, s.a.; Carchedi, 2011]. Сходные данные приводят также французские экономисты Ж.Дюмени и Д.Леви, отмечая падение нормы прибыли на протяжении 1960–1980-х годов с 22% до 14% [Dumenil, 2004, 2005]. К 1980-му норма прибыли снизилась до 10%, а по данным Г.Карчеди — до 3% в 1986 году. Таким образом, с конца 1960-х до конца 1970-х норма прибыли снизилась более чем на 50% после длительного периода ее относительной стабильности. При этом данные о движении нормы прибыли всех

государств ядра МКС демонстрируют аналогичную динамику. По подсчетам Р.Бреннера, чистая норма прибыли в промышленности снизилась в период 1970–1993 годов по сравнению с периодом 1950–1970 годов в США с 24,3% до 14,5%, в Германии — с 23,1% до 10,9%, в Японии — с 40,4% до 20,4%, а в целом по “группе семи” — с 26,2% до 15,7% [Brenner, 2001: p. 8].

Как было отмечено выше, экономисты-марксисты несколько по-разному оценивают динамику и величину нормы прибыли в послевоенный период. Это является следствием использования различных способов измерения нормы прибыли по Марксу, что связано с необходимостью операционализации и адаптации абстрактных теоретических конструктов, разработанных Марксом, к экономическим показателям, используемым в буржуазной экономической науке, государственной экономической статистике и бухгалтерском деле, в которых реально ведется расчет прибыли и капитала. По Марксу, норма прибыли представляет собой отношение прибыли, для простоты отождествляемой с прибавочной стоимостью, ко всему капиталу, включающему совокупную стоимость рабочей силы (переменный капитал), основного и оборотного капитала (постоянный капитал). Однако в реальности при расчетах нормы прибыли приходится иметь дело с бухгалтерской оценкой вновь полученной стоимости, которая может быть либо облагаемой налогом прибылью, либо чистой прибылью после уплаты налогов, либо нераспределенной прибылью, представляющей отчисления в резервный капитал. В зависимости от того, какой вид прибыли используется, при измерениях получаются различные расчеты нормы прибыли. Помимо этого при расчете нормы прибыли возникают и другие вопросы — включать ли в прибыль только прибыль корпораций или, как это делает М.Юссон [Husson, 2010], также и то, что Бюро экономического анализа США называет доходом от собственности, то есть прибыль предприятий, не обладающих корпоративным статусом; учитывать ли прибыль финансовых компаний или ограничиться только предприятиями производственного сектора экономики и т.д. С другой стороны, возможны различные оценки стоимости капитала. Например, можно оценивать валовую или чистую стоимость капитала, то есть принимать или нет во внимание амортизацию капитала — то, что Маркс называл переносом стоимости основного капитала на товар. Можно также оценивать стоимость капитала в текущих (М.Юссон, Ж.Дюмени, Д.Леви, Ф.Моусли), постоянных или исторических (Э.Климан) ценах, что так или иначе влияет на расчеты нормы прибыли.

Ж.Дюмени и Д.Леви провели пять альтернативных расчетов нормы прибыли, комбинируя различные дефиниции прибыли с различными дефинициями капитала. Однако, различаясь в оценке уровня нормы прибыли, почти все они оставляют практически неизменной ее динамику в послевоенный период [Duménil, 2011 a, b, c, d; 2012]. Эту динамику можно проследить на примере того, что они называют нормой прибыли по Марксу. Данная прибыль определяется ими как прибыль корпоративного нефинансового сектора, представляющая собой совокупный доход за вычетом компенсации труда, а капитал — как фонд основного капитала, стоимость которого выражена в текущих ценах. Таким образом, прибыль в данном случае представляет собой сумму всех налогов, процентов, дивидендов и удерживаемой предприятиями прибыли. По мнению французских экономистов, это наиболее близко соответствует Марксовой прибавочной стоимости. В соответствии с Ж.Дюмени и Д.Леви, норма прибыли в США, достигнув пика к се-

редине 1960-х, затем к началу 1980-х резко понижается, медленно возрастая в эпоху неоллиберализма и достигая нового пика в 1997-м. После 1997 года она вновь падает до 2002-го и достигает нового пика в 2006 году. По мнению французских экономистов, это свидетельствует о том, что не падение нормы прибыли было причиной современного финансово-экономического кризиса. Его причины лежат в сфере финансов, это — чисто финансовый кризис. Проблема, однако, в том, что по тем данным, которые приводят Ж.Дюмени и Д.Леви, пик 1997-го достигал значительно более низкого уровня по сравнению с пиком 1965 года, а пик 2006 года был ниже пика 1997-го. Из этого следует, что понижение нормы прибыли все-таки происходило и являлось фактором длительной экономической стагнации капиталистической экономики. Понижение нормы прибыли — конечная, а не непосредственная причина кризиса капитализма. Ее действие в полной мере проявляется в долгосрочной, а не краткосрочной перспективе. Именно слабость восстановления нормы прибыли в 2006 году в контексте ее долгосрочного движения позволила некоторым экономистам-марксистам предсказать наступление через три-четыре года нынешней Великой рецессии [Roberts, 2009].

К тому же, если, как это делает Э.Климан, норму прибыли измерять как отношение чистой добавленной стоимости, произведенной корпорациями (то, что Э.Климан называет “собственническим доходом”), за вычетом компенсации наемных работников (зарплата, пенсии и другие выплаты), или прибыли до выплаты налогов, к чистой стоимости активов остаточного основного капитала корпораций, выраженной в исторических ценах, то норма прибыли в США демонстрирует непрерывный нисходящий тренд на протяжении всего послевоенного периода (1947–2009), в котором сложно обнаружить признаки восстановления [Kliman, 2008 a, b, 2009]. Климан настаивает, что Марксова норма прибыли — это прибыль, выраженная именно в ее исторической, а не текущей стоимости, то есть прибыль, исчисляемая на основе совокупной массы денег, реально инвестированных в прошлом в покупку капитальных активов (это и есть их историческая стоимость) за вычетом амортизационных отчислений. В течение 1941–1956 годов норма прибыли в среднем составляла 28,2%, затем в период 1957–1980 годов снизилась до 20,4%. И более того, по словам Э.Климана, несмотря на утверждения, что неоллиберализм и глобализация способствовали устойчивому выздоровлению от кризиса 1970-х годов, норма прибыли в период 1981–2004 годов продолжала падать до 14,2% [Kliman, 2009: p. 49–50; 2010]. Правда, точка зрения Климана и его способ измерения нормы прибыли встречает возражения.

Британский экономист М.Робертс рассчитывает норму прибыли для экономики США в целом — как для корпоративного, так и для некорпоративного сектора, как для производственного, так и для финансового. Норму прибыли он определяет как отношение чистого национального продукта к частному основному капиталу, стоимость которого измеряется как в исторических, так и в текущих ценах. Он приходит к указанному выше выводу, который заключается в обнаружении после Второй мировой войны долгосрочного нисходящего тренда движения нормы прибыли, в рамках которого наблюдаются среднесрочные циклы повышения и понижения нормы прибыли [Roberts, 2009, 2011 a, b, c, d, e; Mohun, 2010].

Основываясь на несколько отличной методологии расчетов, Г.Карчеди приходит к сходным с М.Робертсом выводам относительно динамики нормы прибыли. Карчеди рассчитывает норму прибыли для производственно-

го сектора экономики, используя исторические цены основного капитала и корпоративные прибыли промышленности до уплаты налогов. В соответствии с его анализом, средняя норма прибыли в США достигает пика в 1950 году (22%) и резко падает с середины 1960-х до наиболее низкой отметки 3% в 1986 году. Затем она возрастает в 1997 году, после чего вновь падает и с начала 2000-х возрастает до 14% в 2006-м и резко падает до 5% в 2009-м. Таким образом, в рамках долгосрочного нисходящего тренда Карчеди выделяет два среднесрочных цикла — 1948–1986 и 1987–2009. Именно долгосрочное понижение нормы прибыли в 1948–2009 годах толкает капиталистическую экономику к кризису, даже если в отдельные периоды действие этой тенденции замедляется контртенденциями, как в период неолиберализма [Carchedi, 2011].

Уже упоминавшийся А.Шейх для расчета нормы прибыли в США использует прибыль нефинансовых корпораций. Норма прибыли представляет собой в данном случае отношение корпоративных прибылей до уплаты налогов и процентов к текущей стоимости заводов и оборудования корпораций. Шейх также обнаруживает долгосрочный нисходящий тренд в движении нормы прибыли после Второй мировой войны с 19% в 1947-м до 10% в 2008 году. Достигнув пика в середине 1960-х, норма прибыли резко падает до начала 1980-х. После этого она несколько возрастает, достигая нового максимального значения в 1997 году, после чего следует новый спад. Затем она вновь возрастает до 2006 года. При этом каждый последующий спад был глубже, а восстановление — меньше предыдущего. Причину относительно восстановления нормы прибыли в 1980–1990-х Шейх видит в переходе к неолиберальной классовой политике беспрецедентного подавления роста реальной заработной платы по сравнению с ростом производительности труда (рост нормы эксплуатации), а также понижения процентной ставки [Shaikh 2011: p. 48, 50]. Делая контрфактическое допущение об отсутствии неолиберального поворота в начале 1980-х и обусловленного им снижения реальной заработной платы и предполагая ее рост в соответствии с ростом производительности труда (то есть предполагая норму эксплуатации постоянной), три исследователя — А.Шейх, Д.Лейбман, Г.Карчеди — независимо друг от друга приходят к выводу, что в этом случае в течение 26 лет (1980–2006), совпадающих с периодом неолиберальной (контр)революции, норма прибыли понижалась, не претерпевая частичного и временного восстановления, до уровня значительно более низкого, чем наблюдаемый в 2006-м [Carchedi, 2011; Laibman, 2010; Shaikh, 2011].

Данные исследований нормы прибыли можно было бы множить и множить. Однако, различаясь в конкретных показателях величины нормы прибыли, большинство таких исследований подтверждают наличие долгосрочной тенденции к понижению нормы прибыли после Второй мировой войны. В рамках нисходящей тенденции определяются также ее циклические колебания с фазами подъема и спада — фазой стабильно высокой или растущей нормы прибыли до середины 1960-х, фазой упадка до начала 1980-х, фазой частичного восстановления до 1997 года, сменившейся новой фазой понижения. Таким образом, всякое новое восстановление происходило на уровне более низком, чем предыдущее. В основе как долгосрочной тенденции, так и циклических колебаний нормы прибыли лежит действие Марковского закона тенденции средней нормы прибыли к понижению. Действие роста органического строения капитала сочетается с противодействием контртенденций

(усиления нормы эксплуатации, перелива капитала в отрасли с низким органическим строением капитала, удешевления постоянного капитала вследствие введения новых технологий), приводящих к частичному и временному восстановлению нормы прибыли. По мере того, как действие контртенденций исчерпывается, норма прибыли вновь начинает понижаться. Как и долгосрочное снижение нормы прибыли, рост органического строения капитала подтверждается многочисленными исследованиями. По данным Г.Карчеди, органическое строение капитала (отношение постоянного капитала к переменному) в США выросло с 0,98 в 1948-м до 2,85 в 2009 году; по данным Д.Лейбмана, в 1980–2006 годах оно возросло на 16% [Carchedi, 2011; Laibman, 2010: p. 387]. Как показывают исследования долгосрочной динамики нормы прибыли и органического строения капитала (ОСК), в послевоенный период два тренда демонстрируют противоположную направленность — нисходящую в случае нормы прибыли и восходящую в случае ОСК. Это не означает, что связь между ними является механической и обратной в каждый момент. Как справедливо отмечает Г.Карчеди, ОСК определяет тенденции прибыльности, взаимодействуя с контртенденциями [Carchedi, 2011].

Таким образом, на основе данных о долгосрочном движении нормы прибыли можно говорить о том, что МКХ находится с начала 1970-х годов в состоянии экономической стагнации.

Не преодоленная до сих пор экономическая стагнация началась с падения нормы прибыли в конце 1960-х и европейской рецессии 1967-го, которой США избежали благодаря войне во Вьетнаме, после чего имели место мировая рецессия 1969–1970 и наиболее жестокая за послевоенный период рецессия 1974–1975 годов. В результате кризисных тенденций значительно сократилась нагрузка производственных мощностей (что наблюдается до настоящего времени) с 85% в 1960–1969 (с учетом пика в 91% в 1966 году) до 79,8% в 1972–2007 годах, при этом в первые годы XXI века она снизилась до 77% [Magdoff, 2006: p. 1; Foster, 2008: p. 12]. Сочетание роста незадействованного капитала с падением нормы прибыли означало падение нормы инвестиций, то есть нормы накопления капитала, темпов его самовозрастания, что означало стагнацию всего процесса накопления капитала [Bakir, 2010]. Накопление капитала наталкивается на пределы, которые условия капиталистического производства устанавливают развитию производительных сил. Именно чистые инвестиции в частном секторе, то есть инвестиции, в которых заключается та часть прибавочной стоимости, которая направляется на расширение производства, являются двигателем капиталистической экономики, поглощающим массу накопленного капитала и таким образом поддерживавшим “золотой век” экономического роста капитализма. Падение доли инвестиций в ВВП с краткими периодами восстановления в конце 1970-х и конце 1990-х годов свидетельствует о том, что капиталистическая экономика не способна использовать весь накопленный избыточный капитал, ищущий прибыльного применения. И это говорит о глубоком кризисе перенакопления и углубляющейся стагнации реальной экономики. В этих условиях масса средств производства и жизненных средств становится слишком большой, чтобы при данной норме прибыли они могли функционировать как капитал, то есть как средство эксплуатации рабочих, и это противоречие преодолевается посредством кризиса, в ходе которого осуществляется разрушение капитала как общественного отношения, для того чтобы накопление капитала могло продолжаться. Поэтому перенакопление

капитала и падение нормы прибыли сопровождаются понижением средней заработной платы, ростом безработицы, падением промышленного производства, увеличением продолжительности, глубины и частоты рецессий, обострением конкуренции, борьбой за доступ к ресурсам и рынкам, геополитической и геоэкономической напряженностью и конфликтами.

Кризис перенакопления ведет не только к сокращению инвестиций, но и к изменению их характера. Вместо капиталовложений в производственные мощности с целью увеличения производства, как это было в период послевоенной экономической экспансии, упор стали делать на инвестиции, рационализирующие производство, цель которых — снижение издержек производства.

Вызванное падением нормы прибыли и инвестиций падение производства привело к быстрому росту инфляции и безработицы, заставив отказаться от кейнсианских рецептов спасения экономики — расширения спроса и социально-реформистских уступок в области социального обеспечения. Конечно, всякое увеличение заработной платы и социальных пособий стимулирует спрос. Однако оно осуществляется за счет прибыли, а в условиях, когда прибыль уже не соответствует массе накопленного капитала, такие меры только усиливают стагнацию. В результате, хотя, согласно теории Кейнса, инфляция служит средством борьбы с безработицей и падением производства, попытки использования кейнсианских антикризисных мер вели к тому, что на этот раз присутствовали оба фактора одновременно. Это привело к возникновению феномена стагфляции — стагнации в сочетании с инфляцией. Кейнсианские меры антициклического регулирования оказались неспособными выправить ситуацию, что открыло возможность осуществления того, что Дж.Арриги назвал “монетаристской контрреволюцией” [Арриги, 2009].

Таким образом, учитывая глубину и длительность снижения нормы прибыли, можно говорить о том, что созданные после Второй мировой войны структуры кейнсианского государственно-монополистического режима накопления исчерпали возможности обеспечения условий расширенного капиталистического воспроизводства, и, как следствие, восходящее развитие капитализма сменилось нисходящим. Такой перелом кривой капиталистического развития обычно называют кризисом. Но это кризис особого рода. Под кризисом в данном случае понимается не обычная краткосрочная циклическая рецессия, а длительное устойчивое ухудшение условий капиталистического воспроизводства. Существует множество интерпретаций перемен в развитии капитализма в 1970-х годах как перехода к периоду длительной стагнации. Так, например, понимаются кризисные тенденции последних тридцати лет существования современного капитализма в мир-системном анализе. С этой точки зрения период 1945–1973 годов рассматривается рядом представителей данного направления исследований как А-фаза волны Кондратьева 1945–2000 годов [Wallerstein, 2000] или как фаза материальной экспансии американского системного цикла накопления капитала [Arrighi, 1994], характеризующаяся возрастающим накоплением капитала, ростом прибылей, увеличением объемов производства и темпов экономического роста, ростом занятости и повышением жизненного уровня, по крайней мере, в ядре капиталистической мир-экономики (“славное тридцатилетие”, или “золотой век капитализма”). В свою очередь, период, наступивший после 1973-го, представляет собой Б-фазу волны Кондратьева, или фазу финансовой экспансии со всеми ее характерными чертами: снижением прибыльности, резким замедлением темпов экономическо-

го роста, увеличением безработицы, падением уровня жизни основной массы населения, упадком прибыльности предприятий сферы материального производства, бегством капиталов из производственного сектора экономики в сферу спекулятивной финансовой активности и резким усилением финансового капитала. Поскольку длительное и устойчивое ухудшение макроэкономических показателей свидетельствует о том, что сложившиеся в послевоенный период институциональные структуры и стратегии перестали обеспечивать условия для нормального расширенного капиталистического воспроизводства и оказались не способными преодолеть кризисные тенденции, то можно говорить о том, что длительная стагнация представляет собой кризис исторического режима накопления капитала, то есть структурный кризис капиталистического воспроизводства.

Вместе с тем неоднократно отмечалось, что начиная с середины 1980-х норма прибыли в капиталистической экономике опять начала повышаться и по некоторым данным достигла 16% к концу 1990-х, а по другим — 14% к 2006 году [Moseley, s.a.; Carchedi, 2011]. Рост нормы прибыли на первый взгляд противоречит утверждению о продолжающемся структурном кризисе капитализма и является свидетельством того, что начиная с 1980-х структурный кризис был преодолен. Вопрос, однако, сложнее, чем представляется.

Капиталистические элиты действительно реагировали на структурный кризис капиталистического воспроизводства системой нацеленных на его преодоление мер, которая имела тенденцию к оформлению в новый режим накопления капитала или в новую общественную структуру накопления капитала. В общем, на абстрактно-теоретическом уровне суть данных мер была выявлена Марксом в ходе анализа контртенденций, противодействующих перенакоплению капитала. В ряду факторов, способствующих повышению нормы прибыли, он назвал повышение степени эксплуатации труда, понижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы, удешевление элементов постоянного капитала, относительное перенаселение, внешнюю торговлю, увеличение акционерного капитала [Маркс, 1961: с. 254–263]. Для преодоления выражающихся в падении нормы прибыли пределов, достигнутых капиталистическим производством, капиталистические классы прибегают к стратегиям, в которых задействуются все указанные факторы. Кроме того, как отмечал Маркс: “Если норма прибыли понижается, то, с одной стороны, силы капитала направляются на то, чтобы отдельный капиталист посредством усовершенствованных методов и пр. понизил индивидуальную стоимость своих товаров ниже их средней общественной стоимости и получил таким образом при данной рыночной цене некоторую добавочную прибыль; с другой стороны, возникает спекуляция, которой благоприятствуют страстные поиски новых методов производства, новых применений капитала, новых авантюр с целью обеспечить хоть какую-нибудь добавочную прибыль, независимую от общего среднего уровня ее и возвышающуюся над ним” [Маркс, 1961: с. 283].

Указанные стратегии предполагают развитие технологий и методов производства, снижающих издержки производства ниже среднего общественного уровня. Каждый из таких методов позволяет капиталу увеличить прибавочную стоимость, выжимаемую из эксплуатации живого труда, и таким образом получить большую долю совокупной прибавочной стоимости, произведенной рабочим классом. Частично это осуществляется путем повышения производительности труда, которое является следствием техно-

логических инноваций. Новые технологии с более высокой производительностью труда увеличивают массу потребительных стоимостей (включая производимые средства производства), не увеличивая воплощенную в них стоимость. В этом случае рост вещественных элементов капитала, то есть материального объема основного капитала, массы средств производства, приводимых в движение тем же самым количеством рабочей силы, сопровождается снижением их стоимости. Понижение стоимости средств производства обладает эффектом понижения органического строения капитала и, следовательно, способствует повышению нормы прибыли [Маркс, 1961: с. 258, 291]. Из этого, однако, не следует, что технологический прогресс является средством спасения капитализма. Ибо, как разъяснял Маркс, дешевет отдельные машины и их составные части, сама же система машин развивается и увеличивается; отдельные орудия замещаются не просто машиной как “огромным набором орудий”, а целой системой машин, и, несмотря на удешевление отдельных элементов, цена всего производственного аппарата, всей массы машин неимоверно возрастает, а “рост производительности состоит в постоянном увеличении этой массы” [Маркс, 1964: с. 378; 1969].

Однако в значительной степени снижение издержек производства осуществляется за счет усиления эксплуатации рабочей силы, включая и понижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы, и создание относительного перенаселения, что приводит также к увеличению прибавочной стоимости.

Частью указанных стратегий является присущий капитализму процесс развития так называемой глобализированной системы производства. В основе этого процесса лежит увеличение свободы и масштабов международного движения капитала и миропространственное распространение капиталистических отношений производства с целью преодолеть stagflationный период капиталистического развития, начавшийся на рубеже 1970-х. Как отмечает Д.Котц, “здесь важна способность фрагментировать производство поверх границы, а затем реинтегрировать процесс посредством торговли” [Kotz, 2008]. Таким образом преодолевается тенденция нормы прибыли к понижению посредством осуществления инвестиций в производство в странах периферии МКС с низкими трудовыми издержками, в которых уровень технологического развития, а следовательно и ОСК, ниже, чем в так называемых индустриально развитых странах, а средняя норма прибыли — выше. “Глобализация” системы производства позволяет понизить заработную плату и удешевить основной капитал, что ограничивает рост стоимости постоянного и переменного капитала в мировых центрах накопления капитала и, таким образом, сдерживает рост ОСК в них. Важным фактором развития “глобализированной” системы производства выступает создание условий, при которых репатриация прибыли достигает максимального уровня при минимизации негативного с точки зрения прибыли воздействия тарифной, валютной и налоговой политики туземного государства. Движущей силой создания транснациональных систем производства стала неолиберальная глобализация как система мер и стратегий, явившихся ответом на кризисные тенденции в развитии капитализма. В целом так называемая глобализация производства создает условия для повышения прибыльности, при которых рост нормы прибавочной стоимости, то есть нормы эксплуатации рабочей силы, сочетается со значительным сокращением стоимости элементов постоянного капитала и ростом концентрации капитала в глобальных масштабах.

Наконец, параллельно осуществляемой стратегией противодействия понижению прибыльности является миграция капитала из производительных отраслей в непроизводительные, в особенности в финансовый сектор, где спекуляция различного рода активами позволяет получить более высокую прибыль. Однако подобное перетекание капитала порождает спекулятивные пузыри и в конечном итоге ведет к финансовым кризисам.

В ходе структурного кризиса, с которым капитализм столкнулся в конце 1960-х, капиталистические классы прибегли к использованию всех отмеченных стратегий — усилению эксплуатации труда, развитию технологических и организационных возможностей процесса капиталистического воспроизводства, транснациональной экспансии капитала, а также финансовой спекуляции процесса накопления капитала, то есть чрезмерному развитию кредита и фиктивного капитала.

Процессы, подспудно развивавшиеся в капиталистической экономике, влияли на социально-политические процессы в МКС и взаимодействовали с ними, вводя МКС в турбулентное состояние. В результате на рубеже 1970-х капитализм столкнулся с целым рядом социально-политических вызовов во всех звеньях МКС. Экономический бум “славного тридцатилетия” 1945–1973 годов, породив значительные социальные ожидания, многократно усиленные идеологией консьюмеризма, успеха и “равных возможностей”, не смог разрешить ни одного из противоречий капиталистического общества. Все это привело к образованию в 1960-х в странах Запада взрывоопасной смеси, воспламенившейся в 1968-м, когда в функционировании системы начали проявляться перебои. Движения социального протеста конца 1960–1970-х годов в странах Запада, яркими эпизодами которых стал “красный май” 1968-го во Франции, “горячая осень” 1969-го в Италии вместе с “революцией гвоздик” в Португалии в 1974-м и падением франкистского режима в Испании, — все это представляло собой часть мирового революционного процесса (И.Валлерстайн назвал его “мировой революцией 1968 года”), когда в борьбе против капиталистических структур господства объединились рабочий класс, студенты и учащаяся молодежь, так называемые средние слои, женские движения, этнические и расовые меньшинства. Разочарованные в способности либерального реформизма действительно создать справедливое общество, эти движения способствовали осознанию того, что последовательное расширение демократии возможно только как ограничение или даже ликвидация капитализма [Van der Pijl, 2006 a, b].

С другой стороны, народы периферии все настойчивее ставили вопрос о ликвидации империалистического характера отношений между развитой и слаборазвитой частями мира. Крушение последней, португальской, колониальной империи, поражение США во Вьетнаме, победа “Народного единства” в Чили, революционное движение в ряде стран Азии и Латинской Америки ослабили империалистическое давление на периферию МКС, а поддержка мирового социализма позволила перейти антиимпериалистическим силам в контрнаступление. Двумя значительными проявлениями этих тенденций было решение стран, входящих в нефтяной картель ОПЕК, о повышении цен на нефть и введение арабскими странами эмбарго на продажу нефти США, Нидерландам, ЮАР, Португалии и Родезии, что привело к “нефтяному шоку” 1973 года, а также инициированная Движением неприкосновенности борьба за установление Нового международного экономического порядка (НМЭП). Платформа последнего была изложена в Декларации

ции и Программе действий по установлению нового международного экономического порядка, а также Хартии прав и обязанностей государств, принятых на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН в мае и декабре 1974-го. Суть НМЭП заключалась в стремлении развивающихся стран добиться радикального изменения характера их международных экономических связей с индустриально развитыми капиталистическими странами в попытке замены отношений господства и эксплуатации демократическим экономическим порядком, основанным на принципах равноправия и справедливости.

И наконец, в 1974–1975 годах капиталистический мир охватила экономическая рецессия, которая по всем параметрам оказалась самой тяжелой и серьезной за всю послевоенную историю капитализма, уступая в этом отношении только Великой депрессии 1929–1933 годов.

Таким образом, в конце 1960-х — начале 1970-х капитализм столкнулся со структурным кризисом, охватившим все аспекты жизнедеятельности капиталистической системы — экономический, политический, военно-политический, идеологический и социальный. В этом смысле кризис является тотальным. Помимо тотальности существенным признаком кризиса является его глобальность: кризис не ограничен какой-либо группой стран, он охватывает все МКХ. В конечном счете капитализм смог пережить волну кризисов и революционных подъемов, обрушившуюся на него в 1968–1975 годах и охватившую как центры, так и периферию системы. Но он уже не мог восстановить той стабильности развития, которая была характерна для него на протяжении “славного тридцатилетия” 1945–1973 годов. Развитие капитализма начиная с 1970-х характеризовалось замедленными по сравнению с периодом “золотого века” темпами экономического роста и роста производства, более низкой нормой накопления и инвестиций, и в основе этого лежало устойчивое падение нормы прибыли. Вследствие применения стратегий противодействия кризису удавалось добиться частичного и временного восстановления нормы прибыли в 1990–2000-х, однако никакого устойчивого преодоления тенденции нормы прибыли к понижению не наблюдается. К тому же, по мнению некоторых исследователей, данные, свидетельствующие о позитивной динамике нормы прибыли, являются результатом неверной методологии расчетов нормы прибыли [Kliman 2008 b; 2010]. С другой стороны, рейганомика 1980-х и клинтономика 1990-х, на которые указывают как на период восстановления и бума в США, основывались не на развитии промышленного производства и росте производительности труда, а, как говорит А. Франк, на военном кейнсианстве и фискальной политике в духе экономики предложения в сочетании с монетаристской политикой. Оздоровления в реальной экономике США, Западной Европы не происходило, как не происходило роста производительности труда, за исключением сектора информационно-коммуникационных технологий [Frank, 2004 a, b]. Улучшение экономических показателей США в 1990-х представляет собой оборотную сторону или, по словам А. Франка, “яркое финансовое отражение” глубокой экономической депрессии в Восточной Европе, России, Латинской Америке и Юго-Восточной Азии, вследствие того, что из этих регионов происходил отток капитала, материальных ресурсов, рабочей силы (особенно в форме утечки мозгов) в эпицентр неолиберальной глобализации — США. За счет погружения в депрессию бывшего социалистического и третьего мира экономика западного мира смогла остаться на плаву в 1990-х. Все это свидетельствует о том, что реального экономического вос-

становления не происходило [Frank, 2004 a, b; Kliman 2008 a, b; 2009; 2010]. Те исключения из общей тенденции в виде повторяющихся кратких взлетов прибыльности и экономического подъема, на которые любят ссылаться как на доказательство устойчивости экономического роста в эпоху “глобализации”, являются следствием надувания спекулятивных пузырей, в основе чего лежала политика дешевого кредита и увеличения долга. Это объясняет кратковременность и неустойчивость таких взлетов. Именно учитывая долговременное ухудшение параметров состояния мировой экономики и то обстоятельство, что устойчивого восстановления условий капиталистического воспроизводства не произошло, период, начавшийся на рубеже 1970-х, можно рассматривать как длительный нециклический структурный кризис. И этот кризис не преодолен до настоящего времени. Устойчивость, нециклическость, тотальность и глобальность кризиса говорят о том, что кризис переживает вся конкретно-историческая структура капитализма, его историческая пространственно-временная конфигурация. Это означает, что структурный кризис открывает длительный период переустройства капиталистической системы, которое будет происходить в ходе столкновения различных социальных сил. Он представляет собой период, когда резко ослабляется детерминизм экономических законов капитализма и возрастает свобода воли исторических субъектов. В зависимости от обстоятельств они могут вывести человеческое общество за рамки капитализма или переустроить систему накопления капитала на новых социальных, институциональных, технологических и пространственно-географических основаниях, что, как правило, случается после гигантских разрушений. Тогда возникнет новый способ или режим накопления капитала, который, возможно, откроет новую эпоху экономической экспансии.

Естественно, столкнувшись с ситуацией структурного кризиса, правящие и господствующие группы МКС начали поиски возможностей переустройства капиталистической системы для воссоздания необходимых экономических, политических, социальных и культурно-идеологических условий ее стабильного функционирования и развития. То, в каком направлении велись эти поиски, какие проекты переустройства МКС разрабатывались в интеллектуальных кругах, обслуживающих интересы западной финансовой элиты, подробнее будет освещено в последующих публикациях.

Источники

Арриги Дж. Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI в. / Арриги Дж. ; пер. с англ. — М. : Ин-т обществ. проектирования, 2009. — 456 с.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Валлерстайн И. — СПб. : Университет. книга, 2001а. — 416 с.

Гелд Д. Глобалізація / антиглобалізація / Д. Гелд, Е. МакГрю. — К. : К.І.С., 2004. — X, 180 с.

Кинг А. Первая глобальная революция: Доклад Римского клуба / А. Кинг, Б. Шнайдер ; пер. с англ. — М. : Прогресс-Панагея, 1991. — 339, [1] с.

Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — М. : Изд-во полит. литературы, 1961. — Т. 25, ч. 1. — 554 с.

Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — М. : Изд-во полит. литературы, 1964. — Т. 26, ч. 3. — 681 с.

Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — М. : Изд-во полит. литературы, 1969. — Т. 46, ч. 2. — 618 с.

Малюк А. Теоретико-методологические проблемы исследования современного глобального кризиса / А. Малюк // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2012. — № 4. — С. 22–50.

Павленко В. Тени из прошлого vs. будущее [Электронный ресурс] / В. Павленко. — Режим доступа : <http://www.iarex.ru/articles/29878.html>.

Фурсов А. Кризис “длинного XXI века” (1975 г. — ?): причины, движущие силы, угрозы / А. Фурсов // Будущие угрозы человечеству и России : материалы науч. семинара ; вып. 4. — М. : Науч. эксперт, 2009. — С. 5–37.

Фурсов А. “Кризис-матрешка”: демонтаж капитализма и конец эпохи пирамид / А. Фурсов // Прогнозы и стратегии. — 2008b. — № 1. — С. 134–139.

Фурсов А. Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними. Капитал(изм) и Модерн — схватка скелетов над пропастью / А. Фурсов // Defuturo, или История Будущего. — М. : Полит. класс. АИРО-XXI, 2008a. — С. 255–304.

Тинберген Я. Пересмотр международного порядка / Тинберген Я. ; под общ. ред. А.А. Рывкина ; пер. с англ. И.А. Бонк ; предисл. Д.М. Гвишиани. — М. : Прогресс, 1980. — 416 с.

Arrighi G. Chaos and Governance in the Modern World System / G. Arrighi, B.J. Silver. — London ; Minneapolis : Minneapolis University Press, 1999b. — 348 p.

Arrighi G. The Long Twentieth Century: Money, Power and The Origins of Our Time / Arrighi G. — London ; New York : Verso, 1994. — 400 p.

Bakir E. Neoliberalism, the Rate of Profit and the Rate of Accumulation / E. Bakir, A. Campbell // Science & Society. — 2010. — Vol. 74, No. 3. — P. 323–342.

Bell D. Cultural Contradictions Capitalism / Bell D. — N. Y. : Basic Books, 1976. — XXXVI, 301 p.

Block F. Understanding the Diverging Trajectories of the United States and Western Europe: A Neo-Polanyian Analysis / F. Block // Politics and Society. — 2007. — Vol. 35, No. 1. — P. 3–33.

Brenner R. The World Economy at the Turn of the Millennium toward Boom or Crisis? / R. Brenner // Review of International Political Economy. — 2001. — Vol. 8, No. 1. — P. 6–44.

Carchedi G. Behind and beyond the crisis [Electronic resource] / G. Carchedi. — Mode of access : <http://www.isj.org.uk/?id=761> (2011).

Carchedi G. Could Keynes end the slump? Introducing the Marxist multiplier [Electronic resource] / G. Carchedi. — Mode of access : <http://www.isj.org.uk/index.php4?id=849&issue=136> (2012).

Carchedi G. Zombie Capitalism and the origin of crises [Electronic resource] / G. Carchedi. — Mode of access : <http://www.isj.org.uk/index.php4?id=614&issue=125> (2009).

Crozier M.J. Crisis Democracy. Report on Governability Democracies to Trilateral Commission / Crozier M.J., Huntington S.P., Watanuki J. — N. Y. : New York University Press, 1975. — 220 p.

Dumenil G. Neo-liberal Dynamics: Toward a New Phase [Electronic resource] / G. Dumenil, D. Levy — Mode of access : www.jourdan.ens.fr/levy/dle2004c.htm (2004a).

Duménil G. Neoliberalism and its crisis [Electronic resource] G. Duménil, D. Lévy // *EconomiX, PSE*. — 2011, Paris. — Mode of access : <http://www.jourdan.ens.fr/levy/dle2011l.pdf>. (2011d)

Dumenil G. Neoliberalism: The Crime and the Beneficiary / G. Dumenil, D. Levy // *Review (Fernand Braudel Centre)*. — 2002a. — Vol. 25, No. 4. — P. 393–400.

Duménil G. The crisis of neoliberalism as a stepwise process [Electronic resource] / G. Duménil, D. Lévy // *EconomiX, PSE*. — 2011, Paris. — Mode of access : <http://www.jourdan.ens.fr/levy/dle2011k.pdf> (2011c)

Duménil G. The Crisis of the Early 21st Century: A critical review of alternative interpretations / G. Duménil, D. Lévy [Electronic resource] // *Paris-Jourdan Sciences Économiques*. — 2011, Paris. — Mode of access : <http://www.jourdan.ens.fr/levy/dle2011e.pdf> (2011a)

Duménil G. The Crisis of the Early 21st Century: General Interpretation, Recent Developments, and Perspectives [Electronic resource] / G. Duménil, D. Lévy // Paris-Jourdan Sciences Économiques. — 2011, Paris. — Mode of access : <http://www.jourdan.ens.fr/levy/dle2011h.pdf> (2011b)

Duménil D. The Crisis of the Early 21st Century: Marxian Perspectives [Electronic resource] / G. Duménil, D. Lévy. — Mode of access : <http://www.jourdan.ens.fr/levy/dle2012f.htm> (2012)

Dumenil G. The Economics of U.S. Imperialism at the Turn of the 21th Century / G. Dumenil, D. Levy. // Review of International Political Economy. — 2004b. — Vol. 11, No. 4. — P. 657–676.

Dumenil G. The Neoliberal (Counter-) Revolution / G. Dumenil, D. Levy // Neoliberalism. A Critical Reader / A. Saad-Filho, D. Johnson (eds.). — London : Pluto Press, 2005. — P. 9–19.

Dumenil G. The Profit Rate: Where and how much did it fall? Did it Recover? (USA 1948–2000) [Electronic resource] / G. Dumenil, D. Levy. — Mode of access : <http://www.jourdan.ens.fr/levy/dle2002f.pdf> (2002b)

Dumenil G. The Real and Financial Components of Profitability (USA 1948–2000) / G. Dumenil, D. Levy // Review of Radical Political Economy. — 2004c. — Vol. 36, No. 1. — P. 82–110.

Engdahl W. Financial Tsunami Part II: The Financial Foundations of the American Century [Electronic resource] / W. Engdahl. — Mode of access : <http://www.globalresearch.ca/the-financial-tsunami-the-financial-foundations-of-the-american-century/7813> (2008a)

Foster J.B. The Financialization of Capital and the Crisis / J.B. Foster // Monthly Review. — 2008. — April. — P. 1–19.

Frank A.G. Our Crisis in the World Crisis [Electronic resource] / A.G. Frank. — Mode of access : <http://rrojasdatabank.info/agfrank/online.html> (2003)

Frank A.G. The Development of Crisis and the Crisis of Development [Electronic resource] / A.G. Frank. — Mode of access : <http://rrojasdatabank.info/agfrank/online.html> (2004)

Gowan P. The Global Gamble: Washington's Faustian Bid for World Dominance / P. Gowan. — London : Verso, 1999. — 337 p.

Gowan P. U.S. Hegemony Today / P. Gowan // Monthly Review. — 2003. — July-August. — P. 30–50.

Harvey D. A Brief History of Neoliberalism / D. Harvey. — Oxford : Oxford University Press, 2005. — 247 p.

Husson M. The debate on the rate of profit [Electronic resource] / M. Husson. — Mode of access : <http://hussonet.free.fr/debaproe.pdf> (2010)

Kliman A. A Crisis of Capitalism (not neoliberalism, “financialized capitalism”, or low wages) [Electronic resource] / A. Kliman. — Mode of access : <http://www.marxisthumanistinitiative.org/wp-content/uploads/2010/10/a-crisis-of-capitalism-rvsvd-1027101.pdf> (2010)

Kliman A. Global Economy Never Fully Recovered From Economic Slump of 1970s [Electronic resource] / A. Kliman. — Mode of access : <http://akliman.squarespace.com/crisis-intervention/> (2008a)

Kliman A. “The Destruction of Capital” and the Current Economic Crisis / A. Kliman // Socialism and Democracy. — 2009. — Vol. 23, No. 2. — P. 47–54.

Kliman A. Worse than They Want you to Think — A Marxist Analysis of the Economic Crisis [Electronic resource] / A. Kliman. — Mode of access : <http://thecomune.co.uk/2008/10/23/worse-than-what-they-want-you-to-think-a-marxist-analysis-of-the-economic-crisis/> (2008b)

Kotz D. Global Neoliberalism and the Contemporary Social Structure of Accumulation [Electronic resource] / D. Kotz, T. McDonough. — Mode of access : http://people.umass.edu/dmkotz/Glob_NL_and_Contemp_SSA_08_12.pdf (2008)

Laibman D. Capitalism, Crisis, Renewal: Some Conceptual Excavations / D. Laibman // Science & Society. — 2010. — Vol. 74, No. 3. — P. 380–394.

Magdoff F. The Explosion of Debt and Speculation / F. Magdoff // Monthly Review. — 2006. — Nov. — P. 1–23.

Miller D. How Neoliberalism Got Where It Is: Elite Planning, Corporate Lobbying and the Release of the Free Market / D. Miller // The Rise and Fall of Neoliberalism. The Collapse of an Economic Order? / K. Birch, V. Mykhnenko (eds.). — London: Zed Books, 2010. — P. 23–41.

Minqi Li. Long Waves, Institutional Changes, and Historical Trends: A Study of the Long-Term Movement of the Profit Rate in the Capitalist World-Economy / Minqi Li, Feng Xiao, Andong Zhu // Journal of World-Systems Research. — 2007. — Vol. 13, No. 1. — P. 33–54.

Minqi Li. The End of the “End of History”: The Structural Crisis of Capitalism and the Fate of Humanity / Minqi Li // Science & Society. — 2010. — Vol. 74, No. 3. — P. 380–394.

Mohun S. The Present Crisis in Historical Perspective [Electronic resource] / S. Mohun — Mode of access : <http://thenextrecession.files.wordpress.com/2011/11/simonmohun-trends.pdf> (2010)

Mosley F. Marxian Crisis Theory and the Postwar U.S. Economy [Electronic resource] / F. Mosley. — Mode of access : http://www.mtholyoke.edu/~fmoseley/working_papers/pw_crisis.pdf.

Mosley F. The Rate of Profit and the Future of Capitalism / F. Mosley // Review of Radical Political Economics. — 1998. — Vol. 29, No. 4. — P. 23–41.

Mosley F. The United States Economy at the Turn of the Century: Entering a New Era of Prosperity / F. Mosley // Capital and Class. — 1999. — № 67. — P. 25–45.

Roberts M. Measuring the rate of profit; profit cycles and the next recession [Electronic resource] / M. Roberts — Mode of access : <http://thenextrecession.files.wordpress.com/2011/11/the-profit-cycle-and-economic-recession.pdf> (2011b)

Roberts M. Measuring the US rate of profit: up or down? [Electronic resource] / M. Roberts — Mode of access : <http://thenextrecession.wordpress.com/2011/11/20/measuring-the-us-rate-of-profit-up-or-down/> (2011c)

Roberts M. The causes of the Great Recession: mainstream and heterodox interpretations and the cherry pickers [Electronic resource] / M. Roberts — Mode of access : <http://thenextrecession.files.wordpress.com/2011/11/the-causes-of-the-great-recession.pdf> (2011a)

Roberts M. The Great Recession. Profit cycles, economic crisis. A Marxist view [Electronic resource] / M. Roberts — Mode of access : <http://ia700404.us.archive.org/24/items/TheGreatRecession.ProfitCyclesEconomicCrisisAMarxistView/GreatRecessionInside4.pdf> (2009)

Roberts M. The rate of profit (again!) [Electronic resource] / M. Roberts — Mode of access : <http://thenextrecession.wordpress.com/2011/08/31/the-rate-of-profit-again/> (2011d)

Robinson W. Towards a Global Ruling Class? Globalization and the Transnational Capitalist Class / W. Robinson, J. Harris // Science and Society. — 2000. — Vol. 64, No. 1. — P. 11–54.

Shaikh A. Explaining the Global Economic Crisis: A Critique of Brenner / A. Shaikh // Historical Materialism. — 1999. — Vol. 5, No. 1. — P. 103–144.

Shaikh A. The First Great Depression of the 21st Century / A. Shaikh // Socialist Register 2011: The Crisis This Time. — London: Merlin Press, 2011. — P. 44–63.

Shoup L. Imperial Brain Trust. The Council on Foreign Relations and United States Foreign Policy / L. Shoup, W. Minter. — N. Y., L.: Monthly Review Press, 1977. — X, 334 p.

The Age of Transition: Trajectory of the World-System, 1945–2025 / [T.K. Hopkins, I. Wallerstein (coord.)]. — L.: Zed Books, 1996. — 278 p.

Van der Pijl K. A Lockean Europe? / K. Van der Pijl // New Left Review. — 2006. — No. 37. — P. 619–637.

Van der Pijl K. Capital and the State System: A Class Act / K. Van der Pijl // Cambridge Review of International Affairs. — 2007. — Vol. 20, No. 4. — P. 619–637.

Van der Pijl K. Global Rivalries: From the Cold War to Iraq / K. Van Der Pijl. — L.: Pluto Press, 2006. — 480 p.

Wallerstein I. The Limits of Economic Conservatism [Electronic resource] / I. Wallerstein. — Mode of access : <http://www2.binghamton.edu/fbc/archive/63en.htm> (2001).